

УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-285-293

EDN XISYKK

Оригинальное исследование

Пампрепий Грамматик в Афинах: к истории отношений интеллектуалов и городской знати во 2-й пол. V в.

Арисланов Б.С. Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85E-mail: 1252637@bsuedu.ru

Аннотация. В работе предпринимается попытка освещения афинского периода жизни грамматика 2-й половины V в. Пампрепия в контексте отношений афинских интеллектуалов и городской знати. Фигура Пампрепия вызывает особый интерес в связи с тем, что этот египтянин, заслуживший у Дамаския прозвище Тифона-чудовища, сделал имперскую карьеру, добившись влияния в столице. Он пал жертвой мятежа Илла и Леонтия, погибнув от рук своих же заговорщиков. Необычно его возвышение с позиции грамматика, так как этот слой интеллектуалов считался самым бедным и самым низким. По всей видимости, именно афинский период стал ключевым в возвышении Пампрепия благодаря удачной женитьбе и сближению с сенаторской знатью города. Афины позднеантичного времени имели особый неформальный статус культурной и образовательной столицы, а высшие школы были важнейшим источником дохода для городской общины. Такие сенаторы, как Феаген, стремились приобщиться к интеллектуалам и извлечь из этого выгоду и укрепление авторитета. Пампрепий был вынужден покинуть Афины из-за личного конфликта с влиятельным Феагеном. Специфика процесса византизации в Афинах проявляется в том, что старая городская знать в лице Феагена побеждает внешнюю новую знать (интеллектуалов).

Ключевые слова: Ранняя Византия, интеллектуалы, грамматика, Пампрепий, Феаген, Афины, гороскоп

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Арисланов Б.С. 2026. Пампрепий Грамматик в Афинах: к истории отношений интеллектуалов и городской знати во 2-й пол. V в. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 285–293. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-285-293. EDN: XISYKK

Pamprepius the Grammarian in Athens: On the History of Relations between Intellectuals and the Urban Nobility in the Second Half of the 5th Century A.D.

Bogdan S. Arislanov Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, RussiaE-mail: 1252637@bsuedu.ru

Abstract. This paper attempts to elucidate the Athenian period in the life of Pamprepius, an Egyptian grammarian of the second half of the 5th century, in the context of the relations between Athenian intellectuals and the urban nobility. Pamprepius is of particular interest because this Egyptian, nicknamed Typhon the Beast by Damascius, made an imperial career, achieving influence in the capital. He fell victim to the rebellion of Illus and Leontius and was killed by his own conspirators. His rise as a grammarian is unusual, as this stratum of intellectuals was considered the poorest and lowest. Apparently, the Athenian period was crucial to Pamprepius's rise, thanks to a successful marriage and his close ties with the city's senatorial nobility. In late antiquity, Athens enjoyed a special informal status as a cultural and educational capital, and higher schools were a vital source of income for the city community.

Senators such as Theagenes sought to associate with intellectuals and profit from this, strengthening their authority. Pamprepius was forced to leave Athens because of a personal conflict with the influential Theagenes.

Keywords: Early Byzantium, intellectuals, grammarians, Pamprepius, Theagenes, Athens, horoscope

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Arislanov B.S. 2026. Pamprepius the Grammarian in Athens: On the History of Relations between Intellectuals and the Urban Nobility in the Second Half of the 5th Century A.D. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 285–293 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-285-293. EDN: XISYKK

Введение

Афины позднеантичного времени занимали уникальное место среди прочих городов империи. Не будучи даже столицей провинции, город имел неформальный авторитет сердца античного мира и интеллектуальной столицы империи.

Процесс византизации муниципальной организации позднеантичного города охватил и Афины. Здесь тоже формируется замкнутый наследственный слой городской элиты, в этот слой постепенно входит и внешняя новая элита, связанная с государством.

Однако значительную специфику места и роли Афин в империи определяет наличие в городе слоя интеллектуалов, которые и составляют преобладающий и активный слой внешней элиты. В иных же городах империи это были землевладельцы, отставники с государственной и военной службы, клир.

В этой связи большой интерес представляют взаимоотношения старой муниципальной сенаторской знати города и интеллектуалов – схолахов и независимых ученых.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают взаимоотношения интеллектуалов позднеантичных Афин и городской сенаторской знати, преимущественно Феагена, как особой формы византизации города.

Методы исследования: контент-анализ источников, историко-биографический, просопографический, сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Для взаимоотношений схолахов Афин с сенаторской знатью представляет большой интерес кейс Пампрепия, официального грамматика города, а впоследствии – государственного деятеля империи. В «Просопографии поздней империи» Пампрепий обозначен прежде всего во второй указанной ипостаси – как квестор священного дворца (востока), консул и патрикий (PLRE II, 825–828).

Более широкое досье на Пампрепия, нежели в «Просопографии», составил Роберт Кастер (№ 114 кат.) [Kaster, 1997, p. 329–332], акцентируя внимание на нем как на грамматике. Среди прочих своих ипостасей он известен как поэт, философ, маг, астролог, открытый язычник.

Биография и хронология жизни Пампрепия известны по преимуществу из его гороскопа [Броль, Кузенков, 2013, с. 179–182; Delatte, Stroobant, 1923, p. 58–76], который был составлен астрологом Реторием Египетским около 504 г., а также из статей Гесихия в словаре Суда (Π 136, 137). Генетлиологический трактат Ретория «Объяснение и интерпретация всей астрологии из «Сокровищниц Антиоха»», разделенный на 117 глав, в главах 113–117 дает сведения о жизни Пампрепия [Catalogus, 1898, p. 142–164; Rhetorii, 2009; Rhetorius, 2009]. Гороскоп Пампрепия связан с политикой императора Зенона [Pingree, 1976, p. 135–150; Levente, 2020, p. 342].

Дополнительные сведения о Пампрепии сообщают Дамаский в «Философской истории» («Жизни Исидора»), Суда, Иоанн Антиохийский, Малх Филадельфийский, Фотий (cod. 242), Захария Схоластик («Жизнь Севира»), Иешуа Стилиит, Кандид Исавр, Феофан Исповедник («Хронография»).

Будущий грамматик родился 29 сентября 440 г. в египетском Панополе (Dam. V. Isid. 77D; Dam. Fr. 178; Suid. Π 136; Malch., fr. 20; John. Ant., fr. 211). Реторий Астролог указывает как на родину нашего героя – Фивы (как и Суда в Π 137), но Панополь общепринят в качестве таковой. Практически все авторы именуют Пампрепия также египтянином, то есть коптом.

Раннее образование Пампрепий должен был получить на родине [Asmus, 1913, p. 320–347], в Панополе, который был в то время важнейшим центром греческой словесности и позднеантичной культуры, а затем в Александрии [Александрова, 2024, с. 326]. Далее он начал свою карьеру в роли ничем не примечательного грамматика, и вел ее, по большинству мнений, до 30–32-летнего возраста [Livrea, 1977, p. 121–134].

Несмотря на очевидный поэтический талант (Dam. V. Isid. 112.B) (Суда Π 136 прямо называет его «эпическим поэтом, процветавшим во времена императора Зенона»), он в официальной жизни оставался скромным грамматиком (Rhet. 113–117).

Нет однозначного ответа на вопрос, где жил и работал Пампрепий до переезда в Афины. Есть мнение о том, что он работал в Панополе, но нет доказательств того, что он не мог работать и в Александрии. Реторий сообщает, что он жил в разных местах, «ведя жизнь скитальца». Карьера «странствующего интеллектуала» была типична для того времени и хорошо прослеживается по биографиям.

Авторы PLRE противоречиво указывают, что Пампрепий практиковал в Египте до 30 лет, но тут же, несколькими строками ниже, говорят, что в Афины он прибыл в 33 года (PLRE II, 826). Где же он был 3 года между ними?

Не дает точного ответа и Роберт Кастер: «первые 25 или 30 лет своей жизни он провёл в тяжёлой жизни скитальца» [Kaster, 1997, p. 329], цитируя Ретория: τὴν πρότην ἡλικίαν χαλεπὴν ἐκτήσατο, ἀλλὰ δὴ καὶ φυγὰς ἐν πολλοῖς τόποις ἐγένετο ... καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῆς πρώτης ἡλικίας μέχρι ἐτῶν κε' ἢ λ' («в ранней юности он приобрёл талант, но также бежал во многие места ... и это о его ранней юности до 10 или 11 лет»). Далее Кастер говорит, что, вероятно, ок. 465/470 г., судя по Реторию, и в любом случае где-то до конца 472 г. он отправился в Афины, дабы попытаться там счастья как профессиональный поэт (Damasc. V. Isid. epit. Phot. 168 = fr. 290; ср. Malch. fr. 20). При этом следует не забывать о том, что работа пусть и странствующего грамматика давала гораздо более надежный, хотя и небольшой хлеб, нежели карьера странствующего поэта.

Несмотря на мнение ведущего специалиста по позднеантичной грамматике Р. Кастера о возможном раннем переезде Пампрепия в Афины, в литературе в целом датой его приезда обычно считается 473 год (PLRE II, 826) [Александрова, 2024, с. 326].

Таким образом, мы имеем сложившуюся в историографии пространную версию афинского периода жизни Пампрепия: максимально 465–476 г., и краткую версию: 473–476 г. (как вариант – конец 472–476 г.).

Относительная бедность (PLRE II, 826) и провинциализм (если не считать, что Пампрепий мог прижиться в Александрии) не помешали нашему герою в Афинах занять официальную кафедру γραμματικός города (Malch. Fr. 20; Rhet. ibid.; Suid. Π 137; Damasc. fr. 178; Ioan. Ant. frg. 21; Phot. Bibl., cod. 242). По Р. Кастеру это произошло в 473 г.

Авторы PLRE прямо указывают, что на улучшение положения грамматика в Афинах повлияла его женитьба (PLRE II, 826; Ioan. Ant. ibid.; Damasc. V. Isid. fr. 178), после которой он получил кафедру.

Подробностей женитьбы мы не знаем. Но если принимать более принятую краткую хронологию жизни Пампрепия в Афинах (473–476), то получается, что брак и получение кафедры случились в один и тот же год – 473. Если учесть, что Пампрепий был далек от афинских канонов красоты, имел смуглый цвет кожи (μέλας τὴν χροιάν) как египтянин-копт, настолько, что (хотя и враждебный ему) Дамаский сравнивал его с чудовищем Тифоном (Dam. fr. 287), и также в целом «неприятную внешность» (Dam. fr. 178), то придется предположить в деле быстрого покорения им невесты либо его столь проявившийся в будущем гениальный авантюризм, либо скорый «брак по расчету», который прямо и непосредственно ввел жениха в круг афинской высшей знати, покровительствовавшей высшим школам и учителям.

Т.Л. Александрова предполагает женитьбу на богатой афинянке [Александрова, 2024, с. 326]. Однако гораздо более важным был бы брак на знатной (и уже вследствие этого богатой) афинянке, связанной с кругами старой муниципальной знати.

В этой связи, по нашему мнению, будет правильнее предположить все же более длительную хронологию пребывания Пампрепия в Афинах (465–476). При всех его талантах за несколько месяцев покорить сердце столь знатной афинянки, чтобы войти в круг высшей знати города, «темному египтянину» было бы очень маловероятно. Допустить скоропалительный брак по расчету тоже можно, но его выгоды были очевидны для Пампрепия, но совершенно не для дочери сенатора.

К этому мнению склоняется и Р. Кастер, отмечая, что, поскольку Дамаский и Малх говорят, что Пампрепий преподавал в Афинах в течение «значительного периода времени», то он должен был уже преподавать в Афинах ранее конца 472 г.; после этого, по словам Ретория, его судьба изменилась к лучшему. Перемену в его судьбе, таким образом, следует отнести ко времени его пребывания в Афинах, а не к прибытию, как это обычно принято.

Остается добавить, что Кастер вслед Реторию причиной улучшения положения Пампрепия считает все же получение кафедры грамматика, а не женитьбу. Следовательно, женитьба должна была произойти еще ранее. Но мы не можем и совсем отбросить брак как более эффективный и более ранний фактор возвышения Пампрепия, нежели его преподавание.

Также укажем на то, что Суда (Π 137) отмечает, что Пампрепий прибыл в Афины, уже «годами изучав грамматику», а также «привыкший ко всему». Поэтому он был, несомненно, подготовлен в науках и хотел научиться еще большему. Суда также указывает, что Пампрепий уже был автором труда по этимологиям, что также помогло ему получить кафедру в Афинах.

Далее известно, что Пампрепий преподавал в Афинах несколько лет (πολύν χρόνον: *Damasc. ibid.*, *Ioan. Ant. ibid.*; *συχῶ ἐτη: Malch. fr. 20*) и вскоре стал широко известен как прекрасный преподаватель и эрудит (*Dam. V. Isid. 112.B*).

До мая 476 г. Пампрепий оставался в Афинах, «преподавал другим, и сам у славного Прокла учился высшей мудрости» (*Malch. fr. 22*). По всей видимости, его интеллектуальные амбиции распространялись очень широко, и он «желал превзойти всех, за исключением лишь может быть Прокла и некоторых философов» (*Dam. Fr. 289; Suid. Π 137*). Должность грамматика не удовлетворяла Пампрепия, и он стремился стать философом. Надо сказать, что отчасти он своего добился, так как некоторые источники именуют его философом.

Однако Афинская академия Прокла в то время находилась под покровительством сенатора и эвергета Феагена, представителя одной из самых знатных языческих семей Афин (*Dam. V. Isid. fr. 258*), поэтому было особенно важно сохранять с ним хорошие отношения. Феаген стал для школы богатейшим и влиятельнейшим покровителем в последнее десятилетие жизни Прокла.

Феаген также выступил личным покровителем поэта Пампрепия и некоторых других учителей. В 1928 г. был открыт папирус с 4 стихотворными произведениями различной сохранности. Одним из сочинений был энкомий патрикию Феагену [*Gerstinger, 1928*]. Перевод строк 1–16 этого сочинения дает в своей работе Т.Л. Александрова [Александрова, 2024, с. 328]. Лучше всего атрибутировать поэму, написанную в честь Феагена к Пампрепию [*Heitsh, 1964, p. xxxv*]. Эта поэма упоминает огромное богатство магната и затем повторяет еще раз, подчеркивая его как «спокойное убежище для рода поэтов» [*Livrea, 2014, p. 2*]. Феаген и сам стремился возглавить ученых не как администратор, а как ученый [*Kaldellis, 2020, p. 278*].

В античной истории важное место занимала генеалогия, не только реальная, но и мифологическая. Собственно, вся героическая мифология греков родилась из стремления привязаться к героическим предкам «Темных веков» в условиях утраты письменности.

В позднеантичных Афинах среди интеллектуалов и городской знати мы видим некоторое возрождение этой тенденции. Наиболее яркий пример реанимации легендарной генеалогии в данный период дает Феаген.

Феаген утверждал, что происходит от Теламона (отца Аякса), Кекропса, Эрехтея, Геракла, Пелопса и, наконец, Мильтиада и Платона [Edwards, 2000, p. 98], что связывало его с древнейшей традицией Афин в последние времена их язычества. Однако в упомянутом энкомии так прямо не говорится, и нет уверенности в том, что это было буквальным отражением собственного генеалогического творчества Феагена. Текст восхваляет прежде всего сами Афины – город Феагена, как это было принято в энкомиях, а затем уже его родословную, но при переходе от одного к другому они сливаются воедино, а также расширяют родину магната от Афин до всей Греции [Kaldellis, 2020, p. 277].

Происхождение от Платона было очевидным и важным престижем для человека, который активно участвовал в философской жизни и политике Афинской академии. Дамаский отмечает, что Феаген жаждал получить похвалу от философов и, соответственно, был окружен множеством влиятельных людей. Утверждение о Платоне как о предке соответствует этому, и никто не осмелился бы опровергнуть слова могущественного сенатора о его предках.

С другой стороны, Феаген включил в число своих предков фигуру Мильтиада, который был стратегом победы при Марафоне, что придавало Феагену политический и военный облик, дополняющий «мягкую силу» его философских предков. Мильтиад здесь был блестящим выбором, поскольку он был самым выдающимся древним афинянином, правившим на севере, во фракийском Херсонесе, недалеко от того места, где была построена новая столица империи (Константинополь). Кроме того, Мильтиад был важной фигурой в риторическом дискурсе софистов того времени.

Другие мифологические фигуры в списке также могут быть неслучайными. Они фактически охватывают большую часть Греции, от Фессалии до Пелопоннеса, и, возможно, указывают на покровительство Феагена всей стране, а не только Афинам, в качестве ведущего сенатора.

Тем не менее родословная Феагена предназначалась не только для академического, афинского или общеэллинского населения: вероятно, она была адресована также его коллегам и в сенате Нового Рима и, вероятно, в первом Риме [Kaldellis, 2020, p. 278]. Таким образом, мы видим иной масштаб явления – легендарная генеалогия используется не только для укрепления авторитета знати среди философов Афин, но и для повышения авторитета в среде знати всей империи.

Но, помимо просто родословной, Феаген действительно имел амбиции и в качестве философа. Философы же, предоставляя Феагену почет, присущий человеку, который имел высокий ранг в империи, осознанно воздерживались от каких-либо признаний его философских претензий (Vit. Is. Ath. 100A; Z. Fr. 261). И дело тут не столько в том, что Феаген был бесталанным в этой области. Активно руководя общественной жизнью Афин, Феаген просто не мог быть собственно философом, не имея на это ни времени, ни настроения, ни сил, и «настоящие» философы это чувствовали.

Дамаский имел на это сходную реакцию (Vit. Is. Ath. 100A; Z. Fr. 258). В борьбе за высшие почести в империи, Феаген не осознавал, что этим он в реальности отдалялся от философского идеала.

Тем не менее архонт и патрикий Феаген не только лелеял свою философскую родословную, но и предпринимал такие усилия, чтобы жить по-философски, что даже Марин однажды признал, что тот был самым выдающимся из сенаторов в этом отношении (Vit. Is. Ath. 100B; Z. Fr. 261). Такая косвенная похвала, подменяя собственно философию «жизнью философа», формально делая реверанс в сторону искомого магнатом, конечно, отрицала признание сенатора настоящим философом.

И на этом фоне происходит эпизод с обвинением в адрес Пампрепия. Вступив в конфликт с всемогущим Феагеном (Malch. fr. 20: διαβολής δε αὐτῷ προς Θεαγένην τινά ... σύστασης), Пампрепий лишился всех своих позиций. Причина конфликта нам неизвестна, но, по аналогии с Марином, хотя и несколько позднее хронологически, можно предположить, что Пампрепий мог прямо усомниться в философских знаниях Феагена.

В ссоре с Феагеном во время обучения у последнего Пампрепий пострадал от физического насилия – был лично избит архонтом (PLRE II, 828). Но этим дело не закончилось. Малх (fr. 23) описывает жестокость, с которой Феаген расследовал обвинение, выдвинутое против его бывшего клиента Пампрепия в продолжение их личной ссоры. Эта жестокость наталкивает на мысль о том, что Феаген мог лично выдвинуть обвинение.

В итоге в мае 476 г. Пампрепий покинул Афины и отправился в Константинополь. Он был далеко не первым интеллектуалом и учителем, кто не смог закрепиться в ученой метрополии позднеантичного мира. Достаточно назвать имя Либания, жившего столетием ранее (и в итоге нашедшего себя на родине, в Антиохии).

Благодаря своим обширным познаниям и откровенной демонстрации своей приверженности к язычеству, Пампрепий скоро стал личностью, известной и в столичном масштабе (Malch. fr. 22).

Событий дальнейшей жизни Пампрепия в течение отмеренных ему судьбой восьми лет вполне хватило бы не на один остросюжетный роман.

В столице некий Марс познакомил его с исаврийцем Илло (Damasc. V. hid. fr. 178; Candid. FHG 4.137; Phot. Bibl. cod. 79). Он впечатлил Илла публичным чтением поэмы (Malch. fr. 20) или рассуждениями о душе (Damasc. V. Isid. fr. 178), или, возможно, и тем и другим. Илл объявил грамматика «мудрейшим из учителей константинопольских» (Dam. V. Isid. 77D) и «назначил ему жалованье как лично от себя, так и от казны» (Malch. fr. 22). Пампрепий приобрел огромное влияние в столице. В 478 г. он отбыл с Илло в Исаврию готовить мятеж. В последующих событиях стал известен как маг и астролог. Илл сделал его квестором, а некоторое время спустя – консулом и патрикием. На рубеже 481–482 гг. (по другим данным, в 483 г.) он совершил поездку в Александрию как μέγιστος ἤδη δυνάμενος (Damasc. V. Isid. fr. 288). По-видимому, он должен был заручиться поддержкой местных язычников для восстания Илла и Леонтия, в котором он участвовал (Zach. Schol. Vie de Severe, 20; HE, p. 71.17).

В ходе восстания он был сделан магистром оффикий Леонтия (Malal. Exc. hist. 3.166.10f.). Пампрепий был казнён Илло в конце ноября 484 г. в исаврийской крепости Папирий, в которой укрылись Илл и Леонтий (Malal. ibid.; Damasc. V. Isid. epit. Phot. 110, 174, 291 (= fr. 306), на 45-м году жизни).

В качестве дополнения отметим, что Реторий описывает Пампрепия как лицемерного, вероломного и распущенного человека. Дамаский также рисует его портрет в резкой форме, главным образом из-за непомерных амбиций Пампрепия (V. hid. frg. 287, 288, 289). Но Дамаский также описывает его как λογιώτατος и πολυμαθέστατος (многомудрого), самого искусного в ἡ ἄλλη προλαιδεία, т. е. во всех областях гуманитарной культуры, кроме философии (Damasc. V. Isid. fr. 289; epit. Phot. 168).

Suda (Π 136), кроме описания Пампрепия как ἐπὼν ποιητής (поэта), приписывает ему труд по этимологии и Ἰσαυρικά в прозе, но ныне считается, что от этой поэмы сохранились лишь папирусные фрагменты; главный отрывок из них – идиллия, описывающая весенний день.

Атрибуция стихотворений Пампрепию весьма неопределенна. Кроме того, есть основания сомневаться в идентификации Феагена, упомянутого в панегирике. Во введении к панегирику говорится, что «Геликон, состарившись от поругания», спрятал всех своих муз у Феагена. Эта фраза обоснованно была прочитана как жалоба язычества, вынужденного защищаться от яростной христианской враждебности по отношению к традиционной культуре. Если это так, то было бы странно обнаружить такое отношение, если получатель стихотворения был покровителем Пампрепия, поскольку Феаген определённо не был врагом христиан [Maas, 1929, p. 250–252].

Дамаский описывает Пампрепия как γραμματιστής την τέχνην (искусного грамматиста). Поскольку он в основном является «враждебным свидетелем» для Пампрепия, иногда считалось, что он использует здесь γραμματιστής в значении «начальный учитель» как оскорбительный термин с целью принизить авторитет Пампрепия. Это, вероятно, неверно. Дамаский презирает Пампрепия за его амбиции. Но в остальном он не пытается скрыть или

принизить интеллектуальные и общекультурные достижения Пампрепия; поэтому кажется маловероятным, что Дамаский пытался очернить фразой человека, ученость которого он подробно излагает в другом месте.

Пампрепий стремился показать себя многомудрым полиматом, будучи грамматиком. Он, хотя и преподавал грамматику, стремился завоевать репутацию за пределами грамматики, в других областях образования, за исключением философии.

Невозможно было предсказать, что ранние годы Пампрепия как странствующего поэта предвещали его последующую роль мятежника. Как личности, такие фигуры свидетельствуют о социальной изменчивости того времени и возможностях, которые открывались, когда амбиции, талант и нужные связи встречались в одном человеке; но их совокупность едва ли позволяет предположить наличие определённой мобильности в самой профессии грамматика.

Поскольку большинство этих людей оставили обычную практику грамматика до своего возвышения, их карьера свидетельствует скорее об обратном: амбиции и талант нашли применение в других сферах.

Хотя должности Пампрепия, по-видимому, были тесно связаны с преподаванием в качестве грамматика, его богатство было сколочено не через сеть покровителей, а благодаря благосклонности от одного могущественного покровителя.

Карьера Пампрепия может также служить предостережением о рисках, связанных с сочетанием впечатляющего взлета и необычной зависимости: связав свое положение с одним покровителем, он разделил его падение. Пампрепий был убит Иллоном и Леонтием незадолго до того, как их самих разбили. Как в своей насильственной смерти, так и в своем стремительном продвижении, этот грамматик уникален.

Заключение

Итак, в V веке судьба грамматика Пампрепия в Афинах была прежде всего связана с его отношениями с магнатом Феагеном; когда его изгоняют из Афин после ссоры с Феагеном, он получает государственное жалованье грамматика в столице благодаря покровительству Илла, чья официальная карьера впоследствии во многом определяет судьбу Пампрепия далее.

Назначение Пампрепия грамматиком в Афинах сопровождалось удачной женитьбой, которая помогла ему возвыситься. Но Пампрепий, возможно, был столь же необычен в этой удаче, как и в других аспектах своей карьеры. Имеющиеся данные не свидетельствуют о том, что какой-либо другой грамматик преуспел подобным образом.

Если рассмотреть службу грамматиков в имперской бюрократии, то свидетельства говорят о похожей специфике кейса Пампрепия. Правильнее было бы сказать «служба бывших грамматиков», поскольку почти все, кто преуспел в этом деле, давно оставили свои должности грамматиков – либо продвинувшись в профессии, либо избрав другое направление. Так, в составе дворцовой службы позднеантичного времени мы находим Авсония в 375–376 гг.; Каллиоппия в 388 г.; Исокасия в 467 г.; Пампрепия в 479 г. и Кориппа в 565 г. Из этих пяти человек только о Пампрепии можно с уверенностью сказать, что он достиг своего положения, будучи еще недавним представителем своей профессии грамматика [Kaster, 1997, p. 332].

Таким образом, эпизод с Пампрепием в Афинах и его взаимоотношениях с могущественным сенатором Феагеном показывает сохраняющуюся мощь местной старой знати в процессе византинизации города и в целом сохранение доминирования этого старого слоя в борьбе за влияние с интеллектуалами и схоластами. Во многом залогом этой устойчивости было стремление представителей афинской знати на примере Феагена сделать и общеимперскую карьеру.

Этот случай нетипичен для империи, так как значительно чаще внешняя новая знать, проникавшая в город, подчиняла себе старую городскую знать. Дело здесь, видимо, в том, что в большинстве случаев новая знать опиралась на материальные ресурсы (землю) и политические связи в столице. Интеллектуалы же Афин имели лишь возможности, ограниченные их нематериальным авторитетом, который оказался слабее.

Список литературы

- Александрова Т.Л. 2024. Позднеэллинистическая и ранневизантийская поэзия II–VI вв. Москва, ИМЛИ РАН, 584 с.
- Болгов Н.Н. 2025. Реторий Египетский и ранневизантийская астрологическая традиция. В: *Классическая и византийская традиция. 2025*. Белгород: 230–237.
- Броль Р.В., Кузенков П.В. 2013. Астрология и политика в Византии V века. В: *Византийский временник*. Т. 72: 179–182.
- Ведешкин М.А. 2011. Пампрепий и последняя битва восточноримского язычества. В: *Классическая и византийская традиция. 2011*. Белгород: 94–99.
- Asmus R. 1913. Pamprepios, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts. In: *Byzantinische Zeitschrift*. 22: 320–347.
- Catalogus Codicum Astrologum Graecorum. 1898. Vol. 1. Bruxellis, In aedibus H. Lamertin, 162.
- Delatte A., Stroobant A. 1923. L’Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance. In: *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l’Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Classe des lettres*. 5e série. T. 9: 58–76.
- Edwards M. 2000. Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, Liverpool University Press, 217.
- Gerstinger H. 1928. Pamprepios von Panopolis: Eidyllion auf die Tageszeiten und Enkomion auf den Archon Theagenes von Athen nebst Bruchstücken anderer epischer Dichtungen und zwei Briefe des Gregorios von Nazianz im Pap. Gr. Vindob. 29788A-C. Vienna; Leipzig, Hölder-Pikler-Tempsky, 102.
- Heitsh E. 1964. Die griechischen Dichterfragmente der römischen Kaiserzeit. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 64.
- Kaldellis A. 2020. The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East. In: *Athens II: Athens in Late Antiquity*. Tübingen, Mohr Siebeck, 259–277.
- Kaster R.A. 1997. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Univ. of California Press, 560.
- Levente L. 2020. Rhetorius, Zeno’s Astrologer, and a Sixth-Century Astrological Compendium. In: *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 74: 342.
- Livrea E. 1977. Pamprepio ed il P. Vindob. 29788A-C. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 25: 121–134.
- Livrea E. 2014. The Last Pagan at the Court of Zeno. Poetry and Politics of Pamprepios of Panopolis. In: *New Perspectives of Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2–30.
- Maas P. 1929. Review of Pamprepios von Panopolis, by H. Gerstinger. In: *Gnomon*. 5: 250–252.
- Pingree D. 1976. Political Horoscopes from the Reign of Zeno. In: *Dumbarton Oaks Papers*, № 30: 135–150.
- Rhetorii Aegyptii. 2009. Compendium astrologicum, secundum epitomen in cod. Paris. gr. 2425. Ed. post D. Pingree Stephan Heilen. Berlin, W. de Gruyter, 448.
- Rhetorius the Egyptian. 2009. Astrological Compendium: Containing His Explanation and Narration of the Whole Art of Astrology. Transl. James Herschel Holden; Ed. Kris Brandt Riske. Tempe, American Federation of Astrologers, Inc., XX, 224.
- Walden J.W.H. 1910. The Universities of Ancient Greece. New York, Charles Scribner's Sons, 368.
- Watts E. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, UCP, 288.

References

- Aleksandrova T.L. 2024. Pozdnejellinisticheskaja i rannevizantijskaja poezija II–VI vv. [Late Hellenistic and Early Byzantine Poetry of the 2nd – 6th Centuries A.D.]. Moscow, IMLI RAN, 584 p.
- Bolgov N.N. 2025. Retorij Egipetskij i rannevizantijskaja astrologicheskaja tradicija [Rhetorius of Egypt and the Early Byzantine Astrological Tradition]. In: *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2025* [Classical and Byzantine tradition. 2025]. 2025. Belgorod: 230–237.
- Brol' R.V., Kuzenkov P.V. 2013. Astrologija i politika v Vizantii V veka [Astrology and Politics in Byzantium in the 5th Century]. In: *Vizantijskij vremennik* [Byzantine Timetable]. T. 72: 179–182.
- Vedeshkin M.A. 2011. Pamprepij i poslednjaja bitva vostochnorimskogo jazychestva [Pamprepios and the Last Battle of Eastern Roman Paganism]. In: *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2011* [Classical and Byzantine Tradition. 2011]. Belgorod: 94–99.

- Asmus R. 1913. Pamprepios, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts. In: *Byzantinische Zeitschrift*. 22: 320–347.
- Catalogus Codicum Astrologum Graecorum. 1898. Vol. 1. Bruxellis, In aedibus H. Lamertin, 162.
- Delatte A., Stroobant A. 1923. L'Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance. In: *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Classe des lettres*. 5e série. T. 9: 58–76.
- Edwards M. 2000. *Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students*. Liverpool, Liverpool University Press, 217.
- Gerstinger H. 1928. Pamprepios von Panopolis: Eidyllion auf die Tageszeiten und Enkomion auf den Archon Theagenes von Athen nebst Bruchstücken anderer epischer Dichtungen und zwei Briefe des Gregorios von Nazianz im Pap. Gr. Vindob. 29788A-C. Vienna; Leipzig, Hölder-Pikler-Tempsky, 102.
- Heitsh E. 1964. *Die griechischen Dichterfragmente der romischen Kaiserzeit*. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 64.
- Kaldellis A. 2020. The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East. In: *Athens II: Athens in Late Antiquity*. Tübingen, Mohr Siebeck, 259–277.
- Kaster R.A. 1997. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley, Univ. of California Press, 560.
- Levente L. 2020. Rhetorius, Zeno's Astrologer, and a Sixth-Century Astrological Compendium. In: *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 74: 342.
- Livrea E. 1977. Pamprepio ed il P. Vindob. 29788A-C. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 25: 121–134.
- Livrea E. 2014. The Last Pagan at the Court of Zeno. Poetry and Politics of Pamprepios of Panopolis. In: *New Perspectives of Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2–30.
- Maas P. 1929. Review of Pamprepios von Panopolis, by H. Gerstinger. In: *Gnomon*. 5: 250–252.
- Pingree D. 1976. Political Horoscopes from the Reign of Zeno. In: *Dumbarton Oaks Papers*, № 30: 135–150.
- Rhetorii Aegyptii. 2009. *Compendium astrologicum, secundum epitomen in cod. Paris. gr. 2425*. Ed. post D. Pingree Stephan Heilen. Berlin, W. de Gruyter, 448.
- Rhetorius the Egyptian. 2009. *Astrological Compendium: Containing His Explanation and Narration of the Whole Art of Astrology*. Transl. James Herschel Holden; Ed. Kris Brandt Riske. Tempe, American Federation of Astrologers, Inc., XX, 224.
- Walden J.W.H. 1910. *The Universities of Ancient Greece*. New York, Charles Scribner's Sons, 368.
- Watts E. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley, UCP, 288.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.12.2025

Received December 8, 2025

Поступила после рецензирования 12.03.2026

Revised March 12, 2026

Принята к публикации 14.03.2026

Accepted March 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Арисланов Богдан Станиславович, аспирант, кафедра всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Bogdan S. Arislanov, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0006-9021-4396](https://orcid.org/0009-0006-9021-4396)